

ФУТБОЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ДМИТРИЙ МАЛКОВ

АУТСАЙДЕР

Перед футбольным кризисным менеджером стоит непростая задача — воспрепятствовать переходу талантливого легионера из клуба средней руки в стан столичного гранда. Противостоять ему предстоит не только амбициям и деньгам спортивных воротил, но и некой закулисной структуре, для которой данная сделка становится делом принципа.

Дмитрий Малков АУТСАЙДЕР (футбольный детектив)

Глава первая

Цифры на часах таращились в утренней полутьме, но Хабаров спросил, не доверяя их показаниям:

— Который час?

— Семь утра, — ответил Садальский в телефоне.

— Без пятнадцати семь, — поправил Хабаров.

— Да, — сказал Садальский. — Беккай уходит.

Хабаров моментально пришел в себя, плотнее прижал трубку к уху. Ему, конечно же, все это мерещится спросонья.

Садальский — тренер по физподготовке, жилистый человек с пухлым лицом и без чувства юмора. Футболисты часто жаловались на него, мол, гоняет почему зря, не хватает сил для игры, это концлагерь, а не тренировки, но методам Садальского руководство доверяло беспрекословно.

— У него же контракт.

— Он марокканец, — сказал Садальский. — Ему насрать на контракт.

— Он же лучший бомбардир.

— И?

— У него самая высокая зарплата в клубе.

Садальский только хрюкнул в трубку. Хабаров понял, что он уговаривает сам себя не верить в то, что решили без него. Разумеется, без него. Хоть и пашет на «Минерал» с самого основания клуба, он всего лишь скаут.

— Его не отпустят, — сказал Хабаров.

— Он марокканец, — повторил Садальский, для которого, очевидно, национальная принадлежность Беккая объясняла очень многое.

— Куда он уходит? — спросил Хабаров требовательным тоном, как если бы это что-то меняло.

— В «Кучер».

Ну куда же еще. Москвичи привыкли собирать пенки с захолустных клубов средней руки, противостоять этой практике было невозможно. Как только где-нибудь в Твери, Ростове или собственно в Верхнекамске появлялся самородок, из столицы к нему тянулись любопытные взгляды и руки. Осматривали, щупали, манили.

А Беккай был самородком. Он сейчас мог бы пасти коров на африканских пастбищах или гримасничать аниматором перед туристами, или чем там они занимаются в Марокко, а он вместо этого делает футбольную историю. Беккай не всегда улавливал тонкости спортивных правил, мог полезть в драку или не услышать свистка судьи, но футбольное чутье у него было что надо. Он знал, где нужно быть в конкретный момент времени, чтобы наброситься, прорваться, поразить.

И нашел его Хабаров. Нашел как иголку в стоге сена. Год назад его внимание привлек могучий рывок вверх по турнирной таблице безнадежного середняка в одном из низших дивизионов. У Хабарова тоже было чутье. Он пошел на свет в конце тоннеля — и наткнулся на Ахмеда Беккай, нападающего футбольного клуба «Никель». Беккай забивал в каждом матче, за исключением тех, где его удаляли в самом начале игры, а случалось это не так уж и редко. «Никель» настойчиво пер в гору и, возможно, однажды

оказался бы в передовом эшелоне отечественного футбола — но тут появился верхнекамский «Минерал» и купил Беккая со всеми его непредсказуемыми потрохами.

— Что делать? — спросил Хабаров.

— Я-то откуда знаю, — сказал Садальский, но Хабаров, пожалуй, задал этот вопрос самому себе.

— Что говорит Тарас?

— У них там обет молчания, я сам узнал из третьих рук.

Тарасов, или Тарас меж своих, главный тренер «Минерала», обязан был костыми лечь, но не допустить этого перехода, ведь с некоторого времени местоположение клуба в общем рейтинге стало зависеть только от одного человека, и этим человеком был далеко не Тарасов.

Перед зимними каникулами «Минерал» обосновался на седьмом месте и метил еще выше. Эксперты и болельщики сходились во мнении, что весной от скромного коллектива из Верхнекамска можно ожидать оптовых поставок сенсаций. «Минерал», который уже пять сезонов боролся за выживание в Премьер-Дивизионе, наконец-то обрел свое лицо и устрашающий шарм. Поворачиваться к нему спиной не рискуют даже гранды. И тут...

— Мне очень жаль, — послышался голос Садальского. Хабаров опешил, такое от

несгибаемого физкультурника слышать не приходилось.

— Понял тебя, — сказал Хабаров и положил трубку.

За всю свою безалаберную карьеру он не встречал никого, кто хоть немного напоминал бы Беккая, чаще ему приходилось иметь дело с тяжелыми на подъем скучающими футболистами, которым комфортнее было бы в роли вышибал в ночном клубе. Футбол — это не для них. Они понимали это так же четко, как и Хабаров, но ничего не могли с собой поделать, им нужно было куда-то пристроить свою скорость и беспокойные ноги. Они выходили на газон и устраивали беспощадное броуновское движение, иллюзию сопротивления, и максимум, что они могли, — это избежать разгрома. Однако в восьмидесяти случаях из ста их размазывали по стене.

Таковы были клиенты Хабарова. Таков был он сам до встречи с Беккаем. Неизвестно, как этот черный пацан оказался в «Никеле», неизвестно, почему «Никель» так легко уступил его «Минералу», но ясно, что скаут Хабаров получил свои пятнадцать минут славы. И теперь они истекли.

Снова зазвонил мобильник, но Хабаров дал отбой, наверное, опять кто-то из клуба спешит сообщить ему новость. Он порылся в контакт-листе

и отыскал нужный номер. Тут вспомнил, что сейчас только семь утра, а в Москве и вовсе пять, поэтому отложил телефон и побрел на кухню. В разоренном холодильнике не нашлось ничего подходящего, Хабаров вернулся в комнату, включил телевизор. Интересно, пронюхала ли эту историю пресса. Интересно, что сейчас с Тарасом и Эйсом, президентом клуба.

Он вспомнил, что у него есть номер мобильного Беккая, но ему все равно не удалось бы толком поговорить с ним, потому что марокканец общался на своем жутком диалекте, в котором Хабаров понимал только междометия. Да и едва ли он в Верхнекамске.

Хабаров забрался в постель, как в окоп, и принялся бессмысленно наблюдать за непрекращающейся рекламой в телевизоре. Уснуть снова не удалось, через час он не вытерпел и все-таки набрал московский номер. Трубку взяли сразу.

Глава вторая

С некоторых пор Корнев боялся приходить домой. Это случилось с месяц назад. Обделывая свои дела в центре, он понял, что оставил дома планшет. Пришлось вернуться в тихую окраинную гавань, до которой не докатывался гул

перегруженных московских улиц. У подъезда он столкнулся с человеком очень знакомой внешности, который также его узнал, но попытался не подать виду. Корнев проводил его взглядом, мужчина сел в припаркованный неподалеку «фольксваген» и отчалил за пределы видимости.

Корнев направился к будке, где ютились местные охранники.

— Этот «фольксваген» здешний? — спросил он у двоих бесцветных и замерзших людей в камуфляжных куртках.

Первый пожал плечами. Второй вроде бы вообще не понял, о чем речь.

— Случилось че-то? — спросил первый.

Корнев пошел домой. Когда он уже собирался вставить ключ в замочную скважину, дверь открылась ему навстречу.

— Привет, — сказала Лида.

— Привет.

— Забыла документы.

— А я планшет.

— Вот и повидались.

— Да.

Она поцеловала его в щеку и запрыгнула в еще не успевший закрыться лифт. Корнев слышал, как у нее зазвонил телефон.

Он вошел в квартиру и словно бы не узнал ее. Что-то в ней кардинально изменилось или, быть

может, исчезло. Ощущение неприступной крепости. Словно теперь эта квартира была уже не его, Корнева, квартирой, а принадлежала не пойми кому, а Корнев лишь арендовал ее для своих нужд. Или, что хуже, здесь поселился кто-то еще. Он прошелся по комнатам, заглянул в ванную, ей не пользовались. Отдернул одеяло на постели. Пощупал простыню. Проверил мусорное ведро.

Водитель «фольксвагена» стоял у него перед глазами. Он спустился на улицу, вновь отправился к охранникам.

— Здесь есть камеры? — спросил он.

Один из них поднялся ему навстречу.

— Случилось че-то? — повторил он.

— Нет. Здесь есть камеры?

Камер не было. Корнев поехал в город. На полпути понял, что так и не захватил с собой планшет, но возвращаться не стал. С тех пор это и началось. Что-то тяжелое повисло у него за спиной, каждый день он брал с собой эту ношу, а вечером приносил ее домой. В своей квартире он чувствовал себя неудобно, а иногда и тошнотворно, будто стены источали непроходимый смрад. Он стал уходить из дома на полчаса раньше, а возвращаться почти на час позже. Но даже так он опасался застать дома то, что ему не полагалось видеть. Лида не замечала в нем перемен.

С утра он приезжал на стоянку рядом с торговым центром, покупал кофе в ближайшем крохотном киоске и медленно цедил напиток в себя. Прочищал кровь. Это был его мобильный офис. Здесь его настигали хлопоты и клиенты. Иногда он устраивал здесь встречи. Все знали, что Корнев ранняя пташка, поэтому звонили, не опасаясь разбудить его. Однако Хабаров застал его врасплох.

— Приветствую, — сказал он. — Не потревожил?

— В каком-то смысле, — сказал Корнев.

С Хабаровым они были знакомы давно, но неплотно, пересекались от силы раз в год, было дело, когда Корнев дал престарелому скауту несколько наводок — и все.

— У меня проблема.

— Слушаю.

— Точнее, у нас проблема.

— У «Минерала»?

— Да. Беккай сбегает в Москву, его нужно удержать.

— Это стоит денег.

— А я думал, мы друзья.

Корнев усмехнулся.

— Начальство знает о твоей инициативе? — спросил он.

— Нет, но оно не будет против, если все разрешится в нашу пользу.

— Куда он уходит?

— Отгадай.

— В «Кучер».

— Правильно.

— Шансы невелики.

— Я знаю.

— Беккай еще в Верхнекамске?

— Я не в курсе.

Заказ — лакомый кусок. Но в этот момент Корнев почувствовал, что безмерно слаб, будто только что вернулся с многодневного бегового марафона, в котором к тому же пришел последним. Ему необходима пара дней отдыха, а лучше неделя, но времени нет совсем.

— Ты можешь перехватить его в Москве, — посоветовал Хабаров.

— Нет, сначала мне нужно поговорить с твоим начальством.

— Поговори по телефону.

— Нет, лично. Буду в течение дня.

Корнев допил кофе. Если честно, то лучше бы он отправился на юг с заранее выключенным сотовым. Но не дано.

Набирать номер Лиды было мукой.

— Я уезжаю.

— Далеко?

- В Верхнекамск.
- Где это?
- На Урале.
- А это где? — пошутила она.
- Не скучай, — сказал он.
- Ты надолго?
- Не знаю.
- За вещами заедешь?
- Нет.

У него действительно с собой всегда была небольшая походная сумка на случай срочной командировки. Лида как будто хотела сказать ему что-то еще, или ему показалось.

- Я вернусь, — сказал он.
- Ладно.

Затем он сделал еще несколько звонков, отменил пару встреч и почувствовал себя немного проще. Не лучше, но проще.

Глава третья

В офисе царил из последних сил сдерживаемая паника. Странно, что еще газетчики не штурмуют шлагбаумы и не срывают трубки. Появление Хабарова осталось почти незамеченным. Из-за дверей переговоров доносился яростный шепот, кто-то кого-то в чем-то убеждал, а в ответ тихо матерились. Секретарши, кажется, все до

одной были под валерьянкой, сидели выпучив красивые глаза и перебирая бумаги недельной давности.

— Света, — обратился Хабаров к одной из них. — Мне нужен телефон переводчика Беккая.

Света посмотрела как бы через Хабарова, смахнула с лица челку.

— Здравствуйте, — сказала Света.

— Здесь сегодня жарко, — сказал Хабаров.

— Да, надо проветрить, — не поняла Света.

Он надеялся, что с ритуальными разговорами покончено, и теперь намеревался повторить свою просьбу.

— А вам зачем? — спросила Света.

— А что такое? Гриф «секретно»?

— Михаил Павлович строго...

— Да я знаю, — сказал Хабаров и принялся врать. — Я сам только от Михаила Павловича. Это он имел в виду журналистов и всяких там нюхачей, своим — можно. Он сказал у тебя попросить.

— А, — сказала Света и стала рыться в компьютере.

Очевидно, президент клуба не нашел ничего лучшего, кроме как приостановить потоки информации в офисе.

Света продиктовала цифры и назвала имя — Геннадий. Хабаров отыскал пустую переговорную

комнату, набрал номер. Ему ответил спокойный голос. Хабаров представился.

— Чем обязан? — спросил Геннадий.

— Я думаю, вы в курсе сложившейся ситуации.

— Безусловно, но о деталях я ничего не знаю, так как последний раз виделся с Ахмедом позавчера, и если вы пытаетесь...

— Нет-нет, — сказал Хабаров. — Мне нужно только, чтобы вы узнали у него, где он находится.

— А вам зачем?

Ну началось.

— Хочу с ним попрощаться.

— Мне звонили из клуба, — сказал Геннадий. — И просили не разглашать.

— Я знаю. Михаил Павлович дал зеленый свет.

— Сомневаюсь.

В этот раз не удалось.

— Геннадий, вам нравится ваша работа? — зашел с другого фланга Хабаров.

— Да. Почему вы спрашиваете?

— Вы покидаете Верхнекамск вместе с Беккаем?

Пауза.

— На этот счет я еще не получал информации.

— И не получите, потому что «Кучер» уже нашел ему переводчика в Москве. Там, наверное, каждый третий говорит на марокканском.

— На демнатском, — сказал Геннадий. — Это такой диалект.

— Пусть так.

— Вы это к чему?

— К тому, что мы хотим одного и того же. Чтобы Ахмед остался.

Помолчали.

— За меня можете не переживать, — сказал Геннадий.

— Так да или нет? Я могу рассчитывать на вашу помощь?

Снова пауза.

— Вы знаете, что такое переводить с редких языков? — спросил Геннадий.

— Даже примерно нет.

— Это занятие напрямую связано со страхом, что этническую группу, которая является носителем этого языка, перебьют в какой-нибудь гражданской войне — и язык умрет вместе с ними. На демнатском языке говорят, дай бог, пять миллионов человек. И это количество постоянно сокращается. Тебя как будто призвали на войну, и ты стал единственным, кому выдали древний однозарядный мушкет, в который нужно постоянно

засыпать порох, и все такое. И каждый новый день делает твоё оружие ещё более неактуальным.

Хабаров слушал.

— Беккай не выходит на связь, — сказал Геннадий. — Но я знаю, что он ещё в Верхнекамске. Вылет в Москву около пяти.

Хабаров поблагодарил и пообещал, что ещё позвонит. Поступило сообщение от Корнева — о времени прибытия в Верхнекамск. В ответ Хабаров передал ему то, что узнал от переводчика.

Дверь переговорки распахнулась.

— Ты чего тут? — спросил Тарас.

— Ты меня до инфаркта доведешь.

— Че ты тут заперся? — ещё более не приветливо спросил Тарас.

— Нельзя, что ли?

Хабаров всегда робел перед Тарасовым, и его постоянно донимало чувство, что тренер им недоволен. Возможно, Тарас действительно считал, что скаут не справляется со своими обязанностями и приводит в клуб одних недоумков и бездарей. И даже когда случаются исключения, конец всё равно немного предсказуем.

— Кто тебе сказал? — спросил Тарасов.

— О чем?

— О Беккае.

— Садальский.

Пожалуй, не стоило говорить, но Тарас и так смотрел на Хабарова, как на врага государства, не стоило испытывать его уклончивыми ответами.

— А ему кто?

— Не знаю.

Нужно ли просветить Тараса об участии Корнева? Скорее нет, потому что он непременно донесет Эйсу, а тот реагирует порой неадекватно. Пусть со всеми скопом разбирается Корнев.

— Кто-нибудь говорил с Беккаем? — спросил Хабаров.

Но Тарас за версту чувствовал отвлекающие маневры.

— Че ты приперся сюда?

— Думал, что нужна помощь.

— Какая помощь?

— Ну, все-таки мы с Ахмедом...

— Это уже неважно сейчас. Сейчас ты остынь, я понимаю, что тебе обидно, но это, извини, не твое дело. Понял? Я к тому, что не будь таким же треплом, как Садальский, держи язык за зубами.

Да, появление на горизонте Корнева окончательно настроит Тараса против скаута. И даже если Корневу удастся вернуть Ахмеда, положение уже не исправить. Таков уж Тарасов, он мог на полгода загнать футболиста на скамейку запасных после продолжительной голевой серии, и

никто не мог его образумить. Попасть к нему в немилость так же легко, как выйти на улицу или отчаяться.

— Неужели ничего нельзя предпринять? — спросил скаут.

— Мы и так предпринимаем, — сказал Тарас и вышел.

Не стоило более вертеться тут и привлекать внимание. Хабаров покинул офис и зашагал по раскисшему в неожиданной оттепели снегу. Нет, Тарас обнадеживает сам себя. На самом деле они ничего не предпринимают, потому что не знают, что тут вообще можно предпринять. Хабаров только подтолкнет их к мысли, а затем представит им человека, который умеет решать подобного рода проблемы.

Корнев, конечно, не панацея, однако ты или доверяешь опыту человека, или не доверяешь. Хабаров нисколько не сомневался в Корневе, он знал, что тот тоже в какой-то мере спортсмен, который не позволяет себе потерять форму и во главу угла ставит результативность. О Корневе в свое время достаточно судачили за кулисами, когда выяснилось, что он причастен к отставке Адлейбы. Тогда его называли чуть ли не серым кардиналом российского футбола. Было известно, что он в той или иной мере сопровождал и содействовал самым крупным трансферным сделкам минувшего

межсезонья. Больше всего впечатляли слухи, что именно он заварил скандальную кашу с «Дизелем» и способствовал потере клубом места в Премьер-Дивизионе. Как это под силу одному человеку, Хабаров не представлял.

Он просиживал шаткий стул в одном из кафе аэропорта, когда объявили о прибытии рейса из Домодедово. Разглядев в толпе аккуратного Корнева, Хабаров порадовался, что в этом человеке ничего не изменилось, в частности, с него так и не сошел его вечный загар, из-за которого он иногда казался пришельцем с юга. Они пожали друг другу руки, у Корнева из багажа была только небольшая сумка. Они отправились в город на такси.

— Беккая раньше пытались купить? — спросил Корнев.

— Мне об этом ничего не известно.

— Что предложил ему «Кучер»?

— Без понятия.

— Если не хочешь светиться, ты вообще можешь не участвовать в этом деле. Я скажу, что у меня источник в клубе, — сказал Корнев.

— Ты знаком с Эйсом или Тарасом, вернее, Тарасовым? — спросил Хабаров.

— Только с Тарасовым. По касательной.

— Предполагаю, что решение будет за Эйсом, поэтому будет лучше, если тебя к ним приведу я. Так будет...

— Я понял. А чего ты от меня хочешь?

— В смысле? Хочу, чтобы Беккай остался в клубе.

— Нет. Чего именно ты хочешь? С чего ты вообще вызвал меня сюда?

Хабаров промолчал.

— Задавай вопросы, — предложил Корнев.

— Что ты будешь делать? Как ты будешь это делать?

— Я поговорю с Эйсом и Тарасовым. Потом поговорю с Беккаем.

— И все?

Хабаров был разочарован. Он ожидал хитроумной неуловимой схемы.

— Ну не в заложники же нам его брать. Еще вопросы?

— Это правда про Адлейбу и «Дизель»?

— Что именно?

— Что ты отставил Адлейбу из «Хроноса» и убил «Дизель».

Корнев вздохнул.

— Адлейбу — да. «Дизель» — нет. Тут все было наоборот. Я работал на «Дизель».

— Вот как.

— И я провалился.

Аэропорт был на северной окраине города, а стадион «Минерала» — на южной. Они проехали Верхнекамск насквозь, и на каждой улице он был

одинаковый, словно зачесанный под одну гребенку. Хабаров любил эту предсказуемость своего родного города. Одинаково низкорослый, растрепанный, хилый, он был таким что зимой, что летом.

— Ты женат? — спросил Корнев.

— Нет, а что?

— Разведен?

— Да. Ей было тяжело от моих постоянных разъездов.

И молчание. На его исходе, в тот момент, когда молчать стало неловко, они добрались до стадиона. Офис по-прежнему напоминал звенящий от злого напряжения улей. Корнев оставил свою сумку в автомобиле, и сейчас был налегке, во время движения он все норовил вырваться вперед и как будто подскакивал при каждом шаге.

— У себя? — спросил Хабаров у Светы, указывая на кабинет Эйса.

— Да, только Михаил Павлович строго...

— Я знаю, знаю.

Хабаров постучал и тут же отпер дверь. Затянутый в черный костюм Эйс тщательно печатал на клавиатуре, выискивая и как будто ощупывая кнопки одними лишь указательными пальцами. Видно, в этом занятии до «черного» пояса ему было еще далеко.

— Разрешите, Михаил Палыч?

— Не сейчас, Слава.

— Тут такое дело, которое не терпит. Совсем.

— Что за дело?

— Я хочу вас кое с кем познакомить.

Они с Корневым переступили порог и заперли за собой дверь. Эйс глядел на них сверху вниз, ссутулившись и напряженно замерев. Затем он как-то растекся и принял, кажется, привычную позу, откинулся на спинку кресла и уперся локтями в подлокотники.

— Михаил Палыч, это Григорий Корнев, познакомьтесь.

Эйс сцепил пальцы.

— Ты зачем сюда...

— Я сейчас все объясню, — сказал Хабаров. — Господин Корнев поможет разрешить нашу проблему.

— Ты о чем? У нас нет никаких проблем.

— Нашу проблему с Беккаем.

Эйс стал мерить Корнева взглядом, при этом обращался он к Хабарову.

— Слушай, по-моему, это не у нас проблемы, а у тебя. В разгар всего этого цирка ты приводишь в офис не пойми кого, до этого ты его, скорее всего, уже посвятил в тему всех событий и теперь еще несешь какую-то чушь. Твои проблемы, Хабаров, психологического толка. И обращаться тебе было нужно не к нему, а к человеку соответствующей профессии.

— Все в норме, ему можно доверять.

Хабаров порядком нервничал, что Корнев до сих пор не вступает в разговор да и вообще принял такой вид, будто надеется, что Хабаров все сделает за него.

— Я тоже думал, что Садальскому можно доверять, — сказал Эйс. — Но у него оказался слишком длинный язык.

Ясно, Тарас сдал его с потрохами.

— Михаил Павлович, я хочу как лучше.

— А получается как всегда, Хабаров, — отрезал Эйс.

— Думаю, еще не вечер.

— Это ты так думаешь, — сказал президент. — Если тебе хочется помахать кулаками после драки, то идите с Садальским и твоим новым другом в какой-нибудь кабак и перемойте всем нам кости. А мы здесь будем думать за вас.

— Михаил Павлович, это не займет много времени.

— Что не займет много времени?

Хабаров почти с мольбой покосился на Корнева, но тот безразлично рассматривал витрину с кубками.

— Разговор, — сказал Хабаров.

— Он уже занял много времени, — Эйс вытянул шею и обратился к Корневу: — А вы кто, собственно, такой?

— Григорий Корнев.

— Я уже сказал, что это имя мне ни о чем не говорит.

— Может быть, в этом случае стоит найти того, кто его знает? — сказал Корнев.

Эйс хищно улыбнулся. Он не любил, когда кто-то сомневался в его компетенции. Он потянулся к телефону, и Хабаров подумал, что сейчас он вызовет охрану.

— Света, найди мне Тарасова, — сказал Эйс.

Корнев вернулся к экскурсии по витрине с трофеями.

— Вы чем-то торгуете? — спросил Эйс.

— В каком-то смысле.

— В каком именно?

— Я торгую возможностями, — сказал Корнев, так и не оторвавшись от витрины.

— Это как?

— Увидите.

— Слава, что это за клоун? — не выдержал Эйс, и Хабаров, вновь оказавшийся на передовой, плюхнулся в кресло без разрешения.

Эйс оправдывал английское происхождение своей фамилии. Он подавал навывлет, но как только право первого удара переходило к сопернику, он тушевался и сдавал. Поэтому сейчас он решил наброситься на Хабарова как самую слабую особь в их немногочисленной стае.

— У тебя, видимо, давненько не было командировок в третью лигу чемпионата Казахстана.

Что-то новенькое, раньше Эйс не опускался до угроз. Хабаров взгляделся внимательнее и понял одну поразительную вещь — Эйс паниковал. Ему простительно, клуб лишился самого перспективного новичка сезона, и он сейчас скалитесь на каждого, не исключено, что и на свое отражение.

Дверь распахнулась, Тарас не обучен был стучать и проявлять иные приметы вежливости. Он почти с ненавистью посмотрел на Хабарова, затем перевел взгляд на Корнева.

— Какими судьбами? — спросил он.

— Попутным ветром.

— Межгалактическим, что ли?

Он уселся в другое кресло, еще раз вцепился взглядом в Хабарова, отпустил.

— Ты его знаешь? — спросил Эйс.

— Знаю. Футбольный Остап Бендер, комбинатор и мошенник.

— Конкретнее.

— Вертит какие-то сомнительные делишки, лезет куда не просят. Видимо, это как раз тот случай. Я не удивлен, что он на короткой ноге с Хабаровым, два сапога пара.

Скаут не совсем уловил, почему они с Корневым два сапога пара, но заметил, что и Тарас, прямо скажем, испуган. Тренер его разочаровал, Хабаров был уверен, что тот не способен поддаваться эмоциям.

— Из Москвы он, — продолжил докладывать Тарас. — У москвичей такая привычка — лезть куда не просят. Они же столица, вроде как исторически уполномочены. Шантажист он. И воротила. И деньги дерет сумасшедшие. Знавал я людей, которые с ним работали, — до сих пор в одних трусах ходят...

— Я помогу вам вернуть Беккая, — наконец вмешался Корнев и сделал два шага от витрины, видимо, удовлетворив свой интерес к пыльным кубкам.

Эйс и Тарасов синхронно замерли, потом тренер принялся оглядываться по сторонам, будто ему требовался переводчик. Или он искал, чем можно приложить Корнева.

— Каким образом? — спросил Эйс.

— Это не должно вас волновать.

— Я же говорю — мошенник, — сказал Тарас.

— Результат будет, — сказал Корнев.

— Так, — выдохнул Эйс. — Слава, иди покури, ты нам больше не нужен.

Глава четвертая

Все маневры Эйса предсказуемы. Сейчас он решил организовать численное преимущество на площадке, поэтому удалил с поля Хабарова. Теперь они вдвоем против одного. Но все равно не знают, с какой стороны подступиться.

— Я не буду просить аванс, не буду назначать цену, и мне не нужно ваше согласие. Я просто сделаю это — а вы расплатитесь со мной постфактум. Можно считать, я приступил к выполнению своих обязанностей в тот момент, когда приземлился в Верхнекамске. Замечу, вы ничем не рискуете. Если я проваливаюсь, вы больше меня не увидите. Если все получится так, как я задумал, вы оплачиваете мой труд наиболее подходящей суммой. Скажу честно, шансы невелики, но я это говорю всем и в большинстве случаев ошибаюсь. У меня есть опыт.

Тренер Тарасов порылся в карманах олимпийки и выудил пачку сигарет. Закурил, никому не предложив угоститься.

— Так, — сказал Эйс. — Теперь по порядку. Какая у вас должность? Из какого вы клуба?

— Я не принадлежу ни к одной спортивной структуре: ни к РФС, ни к ФИФА, ни к судейскому комитету, ни к одному из профсоюзов, ни тем более к какому-либо клубу. Я лицо независимое и

абсолютно неангажированное. В этом смысле я не занимаю ничью сторону. Я только помогаю.

— И почему вы решили помочь именно нам? — спросил Эйс.

— Потому что это моя работа. Потому что вам под силу ее оплатить.

— Мы этого знать не можем, потому что вы не назвали ни одной цифры.

— Я повторяю, цену назначаете вы. И только после выполнения работы. Думаю, вы в состоянии оценить чужой труд.

— Другими словами, — ехидно сказал Тарасов, — даже если вы вернете Беккая, мы можем просто отказаться платить?

Корнев лишь скользнул по нему взглядом и снова обратился к Эйсу:

— Ситуации наподобие вашей случаются сплошь и рядом. Полагаю, никто из нас не удивлен решением Ахмеда Беккая, но это не значит, что он не может передумать.

— Присядьте, — сказал Эйс.

— Спасибо, я постою, к тому же мне пора идти.

— Значит, вы заставите его передумать?

— Я не буду его шантажировать, не буду применять силу или похищать его детей.

— Но как...

— Я же не спрашиваю вас, как вы управляете клубом, и не спрашиваю его, как он тренирует своих футболистов. Вы делаете свое дело, а я свое. У каждого свои соображения и секреты фирмы. Подчеркиваю, вы платите за результат. Очевидно, здесь нечего добавить. Я дам вам знать.

Корнев направился к двери.

— Мы не закончили.

Эйс встал из-за стола, рывком распахнул окно.

— Боюсь, вам придется приоткрыть завесу тайны и поделиться своими методами.

— Мы теряем время, — сказал Корнев.

— А вы испытываете мое терпение.

Корнев почувствовал укол. Ему казалось, что он расположил к себе Эйса. На Тарасова ему плевать, тот полностью нейтрализован и не оказывает влияния на ход событий. Зачем упорствовал президент — вот в чем вопрос.

— Если вы опасаетесь огласки или того, что о моем участии кто-нибудь узнает, то зря. О моем визите в Верхнекамск знают только четверо: вы, он, Хабаров и моя супруга. Моя супруга не в курсе относительно целей моей поездки, поэтому она не в счет. Итого трое. Если мы сохраним статус-кво, то бояться нечего.

— Минуточку, — сказал Тарасов. — А как же тогда о твоих приключениях периодически разносит пресса?

— Все, что вы слышали, — не более чем молва. Никакой конкретики. Одни теории заговора. Так сложилось, что мое имя иногда приплетают к историям, о которых я сам узнаю из газет или интернета.

То ли они не могут поверить в свое счастье, то ли просто тугодумы.

— Мне не нравится эта затея, — признался Эйс и закрыл окно.

Тарасов закурил новую сигарету.

— А мне не нравится ваше бездействие, — сказал Корнев.

— Вот как, и что же мы, по-вашему, должны были предпринять?

— Это неважно, потому что слишком поздно, свой шанс вы упустили.

— Слушай, боец, — Тарасов поднялся из кресла, как из гроба. — Завязывай строить из себя рыцаря на белом коне.

Опричник. Самодур. Ничтожество. Как и зачем Эйс мирится с его присутствием? Тарасов сделал шаг по направлению к Корневу, с его сигареты сыпался омертвевший пепел. Эйс не сказал ни слова.

— Напоминаю, что в данный момент я отстаиваю ваши интересы.

— Любопытная у вас позиция, — сказал Эйс и все-таки мотнул головой Тарасову, мол,

прекращай. — Вы представляете наши интересы, но, по всему выходит, что вам даже не требуется нашего согласия.

— Это потому, что я знаю, как трудно даются такие решения. Вы будете гадать на кофейной гуще, подходящий ли я человек, не подмочу ли я вам репутацию, смогут ли оппоненты перекупить меня. Я не запрещаю вам разбираться с этими вопросами, но пока вы их решаете, я просто сделаю свое дело.

— У вас на все есть готовый ответ, — сказал Эйс. Он помялся. — Но ваше вмешательство может все испортить.

Что-то было не так с этими двумя. Ни один из них не получил бы «Оскара» за свою паршивую игру. Но что за спектакль?

— Испортить все я точно не смогу, потому что хуже не будет.

— Вы недостаточно информированы, — сказал Эйс.

— Тогда просветите меня.

— Зарплата, которую предлагают Беккаю...

— Это не имеет значения. Я взял в расчет, что он идет на поводу у денег. Этот факт, если честно, играет нам на руку.

— Далее, вы плохо знаете Ахмеда. У него буйный нрав. Вы не представляете, с кем вам придется иметь дело.

— В юности я работал крупье в одном московском казино. Когда я сдавал игрокам карты, которых они, по их мнению, не заслуживали, некоторые из них угрожали мне физической расправой. Мне и моей семье. Я сообщал им, во сколько я заканчиваю, и предлагал встретиться на задворках казино, чтобы решить все наши проблемы. За полтора года моей работы ни один из них не пришел.

— И что?

— А то, что на поверку они оказывались не такими буйными, а даже вполне договороспособными, если так можно выразиться.

И тут Тарасов открыл залповый огонь:

— Ты свои истории прибереги для впечатлительных баб. Ты мне лучше скажи, у вас в Москве все такие борзые, или ты исключение из правил? И ты реально думаешь, что если умеешь в уши ссать, то для тебя все дороги открыты? А если я сейчас охрану позову? Скрутят тебя тут же, потом в аэропорт, запихают в первый попавшийся самолет и пока-пока...

Он палил из пушки по воробьям, но Корнев насторожился еще больше: раньше можно было подумать, что Эйс и Тарасов опасаются попасть на крупные деньги, но сейчас выходило, что они не осознают всей серьезности происходящего.

— Я понимаю, вы расстроены, — сказал Корнев Эйсу. — Футболист, которого вы открыли с нуля и вырастили...

— Я тебе скажу, чем я расстроен, — Тарасов, насупившись, практически вплотную подобрался к Корневу. — Я расстроен тем, что некий хмырь приезжает сюда и учит, как мне жить.

— Угомонись, — сказал Эйс. — Григорий, при всем уважении я не могу позволить вам взяться за это дело, потому что я вас совсем не знаю. И не представляю, какие последствия может вызвать ваше участие.

— Это детали, Михаил Павлович. Нет времени рассчитывать такие непредсказуемые вещи. Могу сказать только одно — последнее. Легко спрогнозировать, что произойдет, если ваш коллега действительно решится вызвать охрану, которая доставит меня в аэропорт. Представьте, Беккай уходит в «Кучер». «Минерал» медленно, но верно начинает скатываться туда, откуда он с таким трудом выбрался — в подвал турнирной таблицы. Вам вновь приходится заботиться о выживании. Болельщики, которых вы избаловали победами в первой половине сезона, сейчас требуют добавки, но получают только крупные разгромы, в лучшем случае — вялые ничьи. Про Тарасова становится понятным, что его тренерская деятельность не

имеет отношения к успехам «Минерала», а про вас...

Главный тренер ухватил Корнева за воротник и потянул к себе, но тот едва уловимым маневром избежал столкновения, а затем исполнил уже совсем непостижимое танцевальное па: ударил Тарасова плечом в грудь, отчего тот плюхнулся в кресло и выронил сигарету, благо она была ожесточенно скурена до фильтра.

— Будем взаимно вежливы, — сказал Корнев.

Он действовал согласно учебнику, если бы этот учебник существовал. Появился достаточно неожиданно для того, чтобы стянуть на себя все внимание присутствующих, получил кредит доверия благодаря тому, что был введен в их круг человеком, которого они знают, нащупал их болевые точки и несколько раз надавил на них, проявил инициативу и продемонстрировал силу в их присутствии. Но его не оставляло ощущение, что он работает вхолостую, пытается поделить на ноль, что он сам придумал все проблемы и в решении этих проблем заинтересован он один. Все-таки провинциальный менталитет — темный лес, в столицах работать в разы проще.

— Вы что, собираетесь мне мешать? — Зря он озвучил эту мысль. Вдруг теперь они действительно решатся.

— Вы настроены серьезно, — сказал Эйс и беспокойно покосился на Тарасова, который все не мог восстановить дыхание после короткой схватки с Корневым. — Но доказывает ли это, что вы справитесь?

И тут он понял — они тянут время. Корнев переводил взгляд с Тарасова на Эйса. Что здесь вообще происходит? Ведь эти люди не враги себе и своему клубу, зачем тогда... Как бы то ни было, но он попался и теперь рисковал не успеть.

— Я не буду ничего вам доказывать, — сказал Корнев и вышел из кабинета.

Его ждал Хабаров. Неподалеку отирался лысоватый и могучий субъект, деловой костюм никак не вязался с расплюснутыми ушами борца и сквозным ненавидящим взглядом. Секьюрити. Вероятно, сюда его привело шестое чувство.

— Ну что? — спросил Хабаров.

Нужно сказать, Корнев чувствовал себя игроком в очко, пытающимся скрыть увесистый перебор. И как истинный блефер, он сказал:

— Они дали «зеленый свет», стартуем.

Глава пятая

— Звонил переводчик Ахмеда и сообщил, что к нему только что заехал Беккай попрощаться, — сказал Хабаров.

Риск не успеть увеличивался.

— Я поведу, — бросил Корнев и почти вырвал ключи из рук скаута.

Они сели в автомобиль. Дорогу в аэропорт он запомнил с первого раза, вел уверенно, перекрестки проскакивал на краснеющий желтый, втискивался между неуступчивых автобусов, почти не сбавлял скорости на поворотах, крутил и вертел руль так, будто хотел выкорчевать его из приборной доски. Полупустые улицы Верхнекамска сонно расступались перед лихачом, кто-то уныло сигналил вслед, под колесами веером разлетались лужи.

Они выскочили на трассу и ринулись по широкой дуге по направлению к горизонту. Хабаров подумал, что такими темпами их расстояние вскоре можно будет измерять не в километрах, а в световых годах.

— Стой! — вдруг заорал он. — Это Ахмед, его машина.

Перед ними плелся выдавший виды автомобиль спортивного кроя. Корнев обошел его сбоку.

— Скажи ему, чтобы тормозил.

Хабаров открыл стекло со своей стороны.

— Ахмед! — закричал он.

Беккай заметил их, уставился сквозь окно. Он выглядел изнуренным.

— Тормози! К обочине! — надрывался Хабаров.

Беккай переводил взгляд со скаута на дорогу, словно делая сложный выбор между ними. И он выбрал дорогу. Озябший и мятый спорткар взял с места в карьер, ускорился вдвое, рассекая потянувшуюся над землей морось. Корнев устремился в погоню, он почти раздавил педаль газа, и на удивление дистанция стала таять. Беккай еще не привык к российским дорогам, осторожничал, мельчил, ему с трудом давались обгоны. Корнев же смело выскакивал на встречу, осатанело сигналил и поводя бортами. Беккай уходил в отрыв на прямых, но в плотном потоке Корнев резвыми решительными скачками настигал его.

Наконец он задышал ему в затылок, Беккай необдуманно бросился обгонять чью-то дачную «ниву», но почти уперся во встречный «мерседес», сбросил скорость, чтобы вновь пристроиться в ряды тугодумной кавалькады, но не совладал с управлением, машина вильнула и тяжело соскользнула на обочину. Посыпались фары. Корнев притормозил неподалеку, автомобили лукаво и понимающе перемигивались аварийными сигналами.

— Вызывай переводчика, — сказал Корнев. — И дэпээсников.

Хабаров боялся, что Ахмед сбежит, в смысле на своих двоих, в этом случае им точно ничего не светило, но марокканец, кажется, не рассматривал этого варианта. Он только опустил стекло, положил локоть на дверцу.

Естественно, переводчик приехал быстрее — спустя каких-то двадцать минут.

— В таких условиях вам еще не приходилось работать, — сказал Хабаров.

Корнев подошел к открытому окну спорткара.

— Поговорим? — сказал он по-русски.

Беккай вышел из автомобиля, запоздало оглядел повреждения, поднял глаза на своих преследователей. Они вчетвером столпились возле притихшего спорткара. Хабаров уже успел выставить аварийный знак. Их огибали другие машины, со стороны они выглядели как люди, пытающиеся мирным путем решить автомобильный спор. Хабаров познакомил переводчика и Корнева. Корнев запомнил в переводчике только его голос — голос радиоведущего, зачитывающего сводку новостей: текучий, нейтральной интонации и температуры. Переводчик подхватывал фразу Беккая на ее излете и переводил со стремительной скоростью, будто читал по бумаге. Эти двое явно были очень давно в связке, да так сплелись, что Беккай уже перестал замечать своего партнера — он смотрел исключительно на Корнева и Хабарова,

выслушивал Геннадия, даже не поворачивая головы в его сторону.

— Ахмед, ты ошибся, — сказал Корнев. — Но это значит только, что ты человек. Все ошибаются. Ты принял неверное решение. Хорошо, что его еще не поздно отменить. Я действую в твоих интересах. Наш общий друг рассказал мне о том, что ты хочешь уехать, и я сразу понял, что ты поступаешь необдуманно. Позволь, я кое-что объясню тебе. Если это покажется тебе неубедительным, ты можешь продолжить свое путешествие, тебя никто не будет останавливать.

Геннадий монотонно бубнил на каком-то волнообразном и плавном языке с затяжными, как плач, словами. Ахмед усмехнулся и посмотрел на помятый спорткар.

— Для нас важно, чтобы ты всесторонне оценивал ситуацию, — продолжил Корнев. — Для этого я здесь. Подчеркиваю, я не собираюсь тебя ни к чему принуждать, да это и не в моих силах. Я просто хочу, чтобы ты сам был уверен в своем решении покинуть Верхнекамск.

Беккай заговорил глубоким ламповым голосом, какой Корнев слышал только на граммофонных пластинках.

— Я уверен во всем, что делаю, — перевел Геннадий.

— Хорошо. Должно быть, ты прежде всего уверен, что сумма, предложенная «Кучером», тебя устраивает.

Беккай смутился, посмотрел в сторону уносящихся машин, будто тоскуя, что не успел добраться до аэропорта. Он не ответил.

— Я не буду спрашивать, что это за сумма, — продолжил Корнев. — Предполагаю, что она вдвое больше твоей нынешней заработной платы. Хорошо, пусть будет втрое. Но скажи, Ахмед, если бы вышло так, что «Кучер» оплачивал бы твою игру за «Минерал», то он предложил бы ту же цену? Учти, что в этом случае «Кучеру» пришлось бы платить игроку, который единолично выручает всю команду, тащит ее на своем горбу, который является ее лидером и вдохновителем. Они платили бы столько же? Нет, цена, пожалуй, возросла бы на порядок. Что это означает? Что в «Кучере» реально оценивают положение дел. В «Кучере» вы не будете лидером, там вы будете одним из высокооплачиваемых игроков. Точно не самым высокооплачиваемым. Возможно, даже не в первой десятке.

Ахмед что-то спросил у переводчика, тот отрицательно покачал головой.

— Что он говорит? — поинтересовался Корнев.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал Геннадий.

— Кстати об этих высокооплачиваемых футболистах. Они — ваши прямые конкуренты. Подумайте о них. Вспомните их. Артем Горелов. Два хет-трика в первой половине сезона. Лучший бомбардир прошлого года. Стопроцентная реализация пенальти. Хасан Карапетян. Самый скоростной игрок чемпионата. «Торпеда», так его называют. Уже два года его сманивают англичане, но «Кучер» заломил неадекватную цену. А Карапетяну плевать, где играть, лишь бы играть — хоть в Англии, хоть в России. И пока он здесь. Виктор Головкин. Десять лет в клубе, рабочая лошадка. За десять лет — ни одной травмы. Вдумайтесь. Ни одной. Он железный. Непробиваемый. Его никто не заменит. Он согласен умереть только на футбольном поле. И это лишь нападающие.

На этот раз Ахмед обратился к Корневу.

— Он спрашивает, на кого вы работаете.

— Странный вопрос. На руководство «Минерала».

— Вы говорили с Эйсом?

— Разумеется.

— И что он сказал?

— В данный момент я представляю его интересы, — уклонился Корнев. — Просто по

причине того, что господин Эйс не в состоянии гоняться за спортивными автомобилями по всему Верхнекамску. У него другие задачи.

Марокканец не выглядел удовлетворенным полученными ответами.

— Так вот, я вам рассказал только про нападающих, а ведь есть еще защитники, полузащитники: Глебов, Уиллер, Панин, Петреску. Это все звезды, между прочим. И ни один из них не хочет, чтобы вы тянули его одеяло на себя. Это противопоказано его самолюбию. И если это произойдет, он сделает все, чтобы поставить вас на место. Медленно, но верно вас будут выживать из клуба. И произойдет закономерное. Однажды вы окажетесь на скамейке запасных. А потом в резерве. А потом вас продадут за полцены.

Мимо пронеслась фура, обдав их волной сырого воздуха. Переводчик озяб и мелко дрожал. Он оделся не по погоде.

— Теперь поговорим о том, что вы имеете в «Минерале». Никто не претендует на ваше место в составе, тренер доверяет вам абсолютно, болельщики наверняка молятся о вашей здравии во всех церквях Верхнекамска. Вы стабильно появляетесь на поле, поэтому стабильно забиваете и получаете стабильную порцию внимания. Но не подумайте, я совсем не приверженец формулы «лучше синица в руках, чем журавль в небе».

Напротив, я отстаиваю ваше право удовлетворить свои спортивные амбиции. Только удовлетворять их надо с умом.

Хабарову было интересно, есть ли в марокканском языке эквиваленты русских пословиц, очевидно, да, по крайней мере, на синице и журавле переводчик даже не споткнулся.

— По окончании половины чемпионата «Минерал» занимает седьмую строчку, и это явно не предел, — говорил Корнев. — «Кучер» обходит вас лишь на две позиции, он пятый. Конечно же, это не совсем устраивает экс-чемпиона, поэтому он предпринимает все, что в его силах. Например, пытается перекупить вас. Напоминаю, что командам, которые заняли первые четыре строчки по итогам чемпионата, выдается билет в Европу. Если бы я играл на тотализаторе, то я бы, Ахмед, поставил на то, что «Минерал» гарантированно прорвется, а вот что касается «Кучера» — он не внушает мне доверия.

Ахмед наконец заинтересовался. Теперь он не мог не слышать, иногда переспрашивал что-то у переводчика, вникал, переваривал. Чары Корнева начинали действовать, над Ахмедом будто смыкалось силовое поле. Он оказался во власти благоразумия.

— Разумеется, я говорю о том варианте, когда вы продолжаете защищать цвета «Минерала» и